

В. Г. Белинский

Физиология Петербурга

Виссарион Белинский
Физиология Петербурга

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Физиология Петербурга / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

ISBN 978-5-457-13632-8

Сборник «Физиология Петербурга» (2 части) сразу привлек к себе всеобщее внимание и вызвал большое количество критических отзывов, в большинстве своем враждебных. В рецензиях Белинский давал суровый отпор всем этим нападкам и особенно выделял такие произведения, как «Петербургские углы» и «Чиновник» Некрасова, «Петербургский дворник» Даля, «Петербургский фельетонист» И. Панаева, в которых главное достоинство – «мысль, поражающая своею верностью и дельностью». Белинский не дает здесь подробного анализа этих произведений: его рецензии имеют целью прежде всего рекомендовать читателю новую «дельную» книгу, чем и объясняются обширные цитаты, приводимые им.

ISBN 978-5-457-13632-8

© Белинский В. Г., 1845

© Public Domain, 1845

Содержание

Физиология Петербурга,	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виссарион Григорьевич Белинский

Физиология Петербурга

Физиология Петербурга,

составленная из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. (С политушажами.) Часть первая. Санкт-петербург. 1845. В тун. Journal de Saint-Petersbourg. В 8-ю д. л. 303 стр.

Эта книга предлагает пищу для легкого чтения и, действительно, не будучи тяжелою, она и приятно занимает читателя, и заставляет его мыслить. «Физиология Петербурга» – есть род альманаха в прозе, с статьями разнообразными, но относящимися к одному предмету – к Петербургу. Теперь вышла первая часть, содержащая в себе *шесть* статей. Первая статья служит и вступлением в книгу, как бы предисловием к ней, и вместе с тем представляет собою критический взгляд на тот род изданий, к которому принадлежит «Физиология Петербурга». Вторая статья: «Петербург и Москва», г. Белинского, содержит в себе общий теоретический взгляд на обе столицы, со стороны их внутреннего значения. «Отечественные записки» не считают приличным судить о статье г. Белинского, как своего сотрудника, и ограничиваются только выпискою из нее одного места:

«Известно, что ни в каком городе в мире нет столько молодых, пожилых и даже старых бездомных людей, как в Петербурге, и нигде оседлые и семейные так не похожи на бездомных, как в Петербурге. В этом отношении Петербург – антипод Москвы. Это резкое различие объясняется отношениями, в которых оба города находятся к России. Петербург – центр правительства, город по преимуществу административный, бюрократический и официальный. Едва ли не целая треть его народонаселения состоит из военных, и число штатских чиновников едва ли еще не превышает собою числа военных офицеров. В Петербурге все служит, все хлопочет о месте или об определении на службу. В Москве вы часто можете слышать вопрос: «Чем вы занимаетесь?» в Петербурге этот вопрос решительно заменен вопросом: «Где вы служите?» Слово «чиновник» в Петербурге такое же типическое, как в Москве «барин», «барыня» и т. д. Чиновник – это туземец, истый гражданин Петербурга. Если к вам пришлют лакея, мальчика, девочку хоть пяти лет, каждый из этих посланных, отыскивая в доме вашу квартиру, будет спрашивать у дворника или у самого вас: «здесь ли живет *чиновник* такой-то?» хотя бы вы не имели никакого чина и нигде не служили и никогда не намеревались служить. Такой уж петербургский «норов»! Петербургский житель вечно болен лихорадкою деятельности; часто он в сущности делает *ничего*, в отличие от москвича, который *ничего не делает*, но «ничего» петербургского жителя для него самого всегда есть «нечто»; по крайней мере он всегда знает, из чего хлопочет. Москвичи, бог их знает, как нашли тайну все на свете делать так, как в Петербурге отдыхают или ничего не делают. В самом деле, даже визит, прогулка, обед – все это петербуржец исправляет с озабоченным видом, как будто боясь опоздать или потерять дорогое время; и на все это решается он не всегда без цели и без расчета. В Москве даже солидные люди молчат только тогда, когда спят, а юноши, особенно

«подающие о себе большие надежды», говорят даже и во сне, а потом даже иногда печатают, если им случится сказать во сне что-нибудь хорошее, – чем и должно объяснять иные литературные явления в Москве. Петербуржец, если он человек солидный, скуп на слова, если они не ведут ни к какой положительной цели. Лицо москвича открыто, добродушно, беззаботно, весело, приветливо; москвич всегда рад заговорить и заспорить с вами о чем угодно, и в разговоре москвич откровенен. Лицо петербуржца всегда озабочено и пасмурно; петербуржец всегда вежлив, часто даже любезен, но как-то холодно и осторожно; если разговорится, то о предметах самых обыкновенных; серьезно он говорит только о службе, а спорить и рассуждать он ни о чем не любит. По лицу москвича видно, что он доволен людьми и миром; по лицу петербуржца видно, что он доволен самим собою, если, разумеется, дела его идут хорошо. Отсюда проистекает его тонкая наблюдательность; от этого беспрестанно вспыхивает его тонкая ирония: он сейчас заметит, если ваши сапоги нехорошо вычищены или у ваших панталон оборвалась штрипка, а у жилета висит готовая оторваться пуговка, заметит – и улыбнется самодовольно... В этой улыбке, впрочем, и состоит вся его ирония. Москвич снисходителен ко всякому туалету и незамечателен вообще во всем, что касается до наружности. Прежде всего он требует, чтоб вы были – или добрый малый, или человек с душою и сердцем... При первой же встрече он с вами заспорит, и только тогда начнет иронически улыбаться, когда увидит, что ваши мнения не сходятся с мнениями кружка, в котором он ораторствует или в котором он слушает, как другие ораторствуют, и который он непременно считает за литературную или философскую «партию». Вообще всякий москвич, к какому бы званию ни принадлежал он, вполне доволен жизнью, потому что доволен Москвою, и по-своему умеет наслаждаться жизнью, потому что по-своему он живет широко, раздольно, нараспашку. В чем заключается его наслаждение жизнью – это другой вопрос. Умные люди давно уже согласились между собою, что крепкий сон, сильный аппетит, здоровый желудок, внушающие уважение размеры брюшных полостей, полное румяное лицо и, наконец, завидная способность быть всегда в добром расположении духа суть самое прочное основание истинного счастья в сем подлунном мире. Москвичи, как умные люди, вполне соглашаясь с этим, думают еще, что чем менее человек о чем-нибудь заботится серьезно, чем менее что-нибудь делает и чем более обо всем говорит, тем он счастливее. И едва ли они не правы в этом отношении, счастливые мудрецы! Зато один вид москвича возбуждает в вас аппетит и охоту говорить много, горячо, с убеждением, но решительно без всякой цели и без всякого результата! Не такое действие производит на душу наблюдателя вид петербургского жителя. Он редко бывает румян, часто бывает бледен, но всего чаще его лицо отзывается геморoidalным колоритом, свойственным петербургскому небу; и на этом лице почти всегда видна бывает забота, что-то беспокойное, тревожное и вместе с этим какое-то довольство самим собою, – что-то похожее на непобедимое убеждение в собственном достоинстве. Петербургский житель никогда не ложится спать ранее двух часов ночи, а иногда и совсем не ложится; но это не мешает ему в девять часов утра сидеть уже за делом или быть в департаменте. После обеда он непременно в театре, на вечере, на бале, в концерте, в маскараде, за картами, на гуляньи, смотря по времени года.

Он успевает везде, и как работает, так и наслаждается торопливо, часто поглядывая на часы, как будто боясь, что у него не хватит времени. Москвич – предобрый человек, доверчив, разговорчив и особенно склонен к дружбе. Петербуржец, напротив, не говорлив, на других смотрит с недоверчивостью и с чувством собственного достоинства: ему как будто все кажется, что он занят или деловыми бумагами, или играет в преферанс, а известно, что важные занятия требуют внимания и молчаливости. Петербуржец резко отличается от москвича даже в способе наслаждаться: в столе и винах он ищет утонченного гастрономического изящества, а не разливанного моря. В обществе он решится лучше скучать, нежели, предавшись обаянию живого разговора, манкировать перед чинностью и церемонностью, в которых он привык видеть приличие и хороший тон. Исключение остается за холостыми пирушками: русский человек *кутит* одинаково во всех концах России, и в его *кутеже* всегда равно проглядывает какое-то степное раздолье, напоминающее древненовгородские нравы. В Москве нет чиновников. Порядочные люди в Москве, к чести их, вне места своей службы умеют быть просто людьми, так что и не догадаешься, что они служат. Низший класс бюрократии там слышит еще под именем «приказных» и мало заметен, разумеется, для тех, кто не имеет до них дела, и зато, разумеется, тем заметнее для тех, кому есть до них нужда. Военных в Москве мало: притом, многие из них являются туда на время, в отпуск. Словом, в Москве почти не заметно ничего официального, и петербургский чиновник в Москве есть такое же странное и удивительное явление, как московский мыслитель в Петербурге. Хотя москвич вообще оригинальнее и как будто самобытнее петербуржца, однако, тем не менее, он очень скоро свыкается с Петербургом, если переедет в него жить. Куда деваются высокопарные мечты, идеалы, теории, фантазии! Петербург в этом отношении пробный камень человека: кто, живя в нем, не увлекся водоворотом призрачной жизни, умел сберечь и душу и сердце не на счет здравого смысла, сохранить свое человеческое достоинство, не предаваясь донкихотству, – тому смело можете вы протянуть руку, как человеку... Петербург имеет на некоторые натуры отрезвляющее свойство: сначала, кажется вам, что от его атмосферы, словно листья с дерева, спадают с вас самые дорогие убеждения; но скоро замечаете вы, что то не убеждения, а мечты, порожденные праздною жизнью и решительным незнанием действительности, – и вы остаетесь, может быть, с тяжелою грустью, но в этой грусти так много святого, человеческого... Что мечты! Самые обольстительные из них не стоят в глазах *дельного* (в разумном значении этого слова) человека самой горькой истины, потому что счастье глупца есть ложь, тогда как страдание дельного человека есть истина, и притом плодотворная в будущем...»

Остальные четыре статьи составляют *практическую* и, следовательно, главнейшую часть книги. Лучшие из них – «Петербургский дворник» В. И. Луганского и «Петербургские углы» г. Некрасова. Первая есть мастерской очерк, сделанный художнической рукою, одного из оригинальнейших явлений петербургской жизни, лица мало известного в Москве и совсем неизвестного в провинции. Это одно из лучших произведений В. И. Луганского, который так хорошо знает русский народ и так верно схватывает иногда самые характеристические его черты. Одна газета, – не надо говорить какая, – изъявила свое неудовольствие, что дворник Григорий дождался чести видеть себя предметом литературного изображения:

^{1} пусть эта аристократическая газета толкует о чиновниках, – а мы будем читать «Дворника» В. И. Луганского, – тем более что его нескучно прочесть и во второй и в третий раз, – как это мы узнали на опыте. Выпишем что-нибудь из него:

«Чиновники идут средней побежкой между иноходи и рыси, так называемым у барышников перебоем; первый дворник метет размашисто всех их сряду по ногам. Они поочередно подпрыгивают через метлу; один, однакоже, миновав опасность, останавливается и бранится.

Дворник продолжает свое дело, будто не слышит, и ворчит после про себя, но так, что через улицу слышно: а обойти не хочешь? нешто глаз во лбу нету? Другой дворник, для которого собственно острое словцо это было пущено, смеется и, выпрямившись, засучивает несколько рукава, шаркнув себя локтем по боку, передает черную масляную ветошку для отдыха из правой руки в левую, а освободившегося рукою почесывает голову.

Порядочно одетый человек останавливается у ворот дома, смотрит на надпись и, оглядываясь, говорит: «эй, любезный, где здешний дворник?»

Григорий молчит, будто не слышит; тот повторяет вопрос свой погромче и понастойчивее.

– Там, спросите во дворе.

Господин уходит под ворота: второй дворник, Иван, смеется. – Ты что ж не отозвался?

– Много их ходит тут! – отвечает первый и продолжает мести.

В это время извозчик, на выездах, проезжает шагом, дремля бочком на дрожках: лошадь разбитая, дрожки ободранные, кожа между крыльями прорвана, из-под подушки кругом торчит сено; гайка сваливается с колеса.

Дворник с метлой глядит несколько времени вслед за извозчиком, потом выходит на средину улицы, подымает гайку и кладет ее в карман. Колесо с дрожек соскочило, извозчик чуть не клюнул носом в мостовую, соскакивает, останавливая лошадь, оглядывается кругом и бежит назад. Увидав дворника на пути со средины улицы к плитняку, обращается к нему: «ты, что ли, поднял, дядя?»

– Кого поднял?

– Да гайку-ту; отдай, пожалуйста!

– А ты видел, что ли?

– Да чего видел? отдай, пожалуйста!

– Отдай! что я тебе отдам? ты бы сперва двугривенный посулил, а там бы говорил отдай.

Спор становится понемногу жарче: извозчик сперва просит, там божится, что у него нет ни пятака, что он только вот выехал, потом пошла брань и крик, в котором, кроме обычных приветствий, слышно только с одной стороны: «Отдай, я тебе говорю, отдай!» а с другой: «Что я тебе отдам? да ты видал, что ли?» С этим воинственным криком неприятели друг на друга наступают: дворник Иван, с помазком в руке, пользуется приятным зрелищем и, улыбаясь, отдыхает от трудов; народ начинает собираться, образуя кружок. Какой-то дюжий парень также останавливается и, узнав, в чем дело, говорит извозчику: «Да ты что горло дерешь, толкуешь с ним, с собакой? ты в рыло его, а я поддам по затылку». И едва это было сказано,

^{1} Намек на фельетон Булгарина в «Северной пчеле», 1845, № 79, стр. 314–315, и рецензию Л. Бранта (Я. Я. Я.), там же, 1845, № 235, стр. 939. «Петербургский дворник» первоначально был напечатан в «Литературной газете», 1844, №№ 38 и 39.

как и тот и другой, будто по команде, в один темп, исполнили на деле это дельное увещание.

Народ кругом захохотал. А оглушенный неожиданным убеждением строптивый Гришка, потряхнув слегка головой, достал гайку из кармана шароваров и отдал извозчику с советом: не терять ее в другой раз, а то-де ину пору и не воротишь; иной и не отдаст; а за нее в кузнице надо заплатить целковый, да еще накланяешься, да напросишься: вашего брата там много!

Зрители, натешившись этим позорищем, разошлись своим путем, оглядываясь по временам назад; извозчик надел колесо, навернул гайку и во все это время бранился. Дворник Григорий принялся опять за метлу и ограничился повторением того же дружеского совета. Дворник Иван подшучивал, смеючись слегка над товарищем: «Извозчику-то ты что ж так спустил! Эка, здоров кистень у парня-то?»

В это время господин, проискав дворника по пустякам во дворе, вышел опять из-под ворот и обратился к нашему приятелю довольно настойчиво: – Да ты, что ли, здешний дворник, эй!

– А вам кого надо?

– Титулярного советника Былова.

– На левую руку под ворота, в самый вверх, двери на левой руке.

– Так что ж ты не сказал мне давеча, как я спрашивал тебя? ведь ты дворник здешний?

– Дворник! мало ли дворников бывает! у других, у хороших хозяев, человека по три живет; это наш только вот на одном выезжает.

Посетитель должен был принять эту логику особого разбора за ответ, пожал плечами и пошел по указанию».

Как все это верно, каким добродушным и грациозным проникнуто юмором! Кстати: читали ли вы «Денщика» В. И. Луганского? Это прелесть!^{2}

^{2} Очерк «Денщик» В. И. Даля (Луганского) появился незадолго до напечатания настоящей рецензии, в журнале «Финский вестник», 1845, № 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания